

7. Взаимодействие с негосударственными организациями как агентами социальной работы с молодежью

7. 1. Интеграция агентов системы социальной работы с молодежью

Государственные социальные службы взаимодействуют в решении своих задач с различными неправительственными организациями. Нормализация этого взаимодействия сама по себе оказывается самостоятельной, и достаточно сложной, задачей. Трудности здесь связаны с различием у партнеров целей, организационных культур и структур, характера связей с обществом.

В построении рациональных схем взаимодействия необходимо, прежде всего, обратить внимание на соотношение *властных полномочий*. Здесь будет правильнее исходить из типологизации власти, предложенной Jeffrey Pfeiffer, Dean Tjosvold, выделивших *структурную* и *ситуационную* власти.

Первая определяется положением индивида, группы, структурной единицы¹⁸³, в структуре организации. Носитель властных полномочий обладает ими не в силу каких-то собственных качеств, соглашения, процедур делегирования власти, а благодаря своей помещенности в определенную позицию.

Вторая создается, напротив, самими организационными процессами, не будучи предусмотренной при конфигурации системы.

Собственно, взаимодополнение этих двух типов власти неизбежно. Социальные взаимодействия определенного уровня сложности требуют управления, иначе они просто не осуществляются. Возникающая ситуационная власть, по мере институционализации, становится структурной. Однако, «золотая мечта бюрократии»¹⁸⁴ неосуществима: регламентировать все властные отношения невозможно. Постоянно возникают «нештатные» ситуации, в которых администратор должен принимать оперативные решения. При этом существенно, что далеко не всегда можно определить, принимаются эти решения в границах его полномочий (хотя и по непредусмотренным вопросам), или за ними.

¹⁸³ Собственно, при данном подходе для нас не важен конкретный носитель власти. Вернее было бы говорить о *точках приложения полномочий*, которыми могут быть наделены лицо, коллегия, группа, организационная единица, компьютерная программа – важно лишь положение точки в функциональных отношениях.

¹⁸⁴ Образцом бюрократической иллюзии может служить разработанный Петром Великим «Государственный регламент», в основе идеи которого лежала доктрина камералистики. Регламент должен был охватить системой разветвленных инструктивных документов *все* области управления, доходя до последних мелочей (например, предусматривая, кто и когда должен топить печки в учреждениях, или устанавливая надзор профосов за соблюдением чистоты в принадлежащих им отхожих местах). Разумеется, эта административная утопия потерпела крах.

Кроме того, в реальной жизни границы полномочий невозможно определить раз навсегда и точно. В силу всех этих обстоятельств возникают отношения ситуационной власти, не нормированные бюрократически. Типично это и для анализируемого нами сейчас класса ситуаций. Социальные службы должны взаимодействовать с негосударственными организациями, причем это взаимодействие не всегда будет сотрудничеством, возможна и конкуренция.

В общем-то, ситуационная власть во всех случаях может рассматриваться как *ресурсная*¹⁸⁵. Розабет Кантер указывает на еще одно важное обстоятельство: способность субъекта, получающего властные полномочия, установить сотрудничество с лицами, группами, структурами, от взаимодействия с которыми реализация полномочий зависит. Однако, и в этом случае речь идет, по сути, о ресурсах: необходимых навыках администрирования.

Вслед за Р. Кантер мы выделим три типа ресурсов: материально-технические, административные, информационные. Осуществление практически любых социальных проектов требует определенных финансовых, технических средств; естественно, партнер, распоряжающийся этими средствами, может оказывать воздействие на процессы разработки и осуществления проекта.

Административный ресурс в условиях России имеет колоссальное значение. Как указывает, в частности, Ю. Г. Волков, именно самопричисление к кругу лиц, могущих претендовать на использование связей во властных структурах, имеет решающее значение для идентификации¹⁸⁶. При этом следует различать использование административного ресурса со структурной властью: пользователь несет ответственность совсем иного типа.

Информационный ресурс в российских условиях приобретает своеобразное значение. С одной стороны, многолетние практики секретности практически любых данных, в сочетании с установками на закрытость, доминирующими в коммерческо-криминальной среде, создают режим типа, который в системе защиты данных для операционной системы Linux Mandrake прямо называется паранойей. С другой стороны, тотальная секрет-

¹⁸⁵ Возможно, особый случай представляет власть по соглашению, делегируемая лицами, или группами, другим лицам или группам, без очевидной необходимости. Однако, если анализировать основания принятия подобных решений, мы увидим, что в основе их тоже лежит дефицит ресурсов. Власть делегируют, уповая на компетентность партнера, благодаря наличию у него харизмы (которой, следовательно, лишены делегирующие), или не располагая временем на ее осуществление. Даже в случае мотивации элементарным безволием, все равно, речь идет о дефиците волевых качеств, здравого смысла или психического здоровья.

¹⁸⁶ Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М.: Гардарики, 1998.

ность должна была породить, и породила, столь же тотальную безответственность.

В итоге, большинство российских систем безопасности неэффективны. Хуже всего, что не существует принципов жесткого разграничения прав доступа к данным; в общепринятом мнении, они зависят от обстоятельств. **Поэтому информационная власть оказывается выражено неформальной, клановой, карьерной.** В пространстве социальной работы с молодежью обстоятельства ее получения и использования определяются дефицитом полноценных данных по важнейшим аспектам решаемых проблем.

На основе теории стратегической случайности Д. Хиксона, а также исследований стратегических случайностей Мишелем Крозье, можно сформулировать основные *пути рационализации взаимодействия* агентов социальной работы с молодежью. *Распределение властных полномочий в системе* определяется способностью агентов преодолевать неопределенность, степенью «центральности» их положения в процессе, потенциалом замещаемости.

Власть приобретает на основе способности преодолевать неопределенности, что связано с наличием значительных свободных ресурсов, или эффективных стратегий. Власть связана с выполнением ключевых операций, значимостью выполняемых разделов проектов. Наконец, власть принадлежит «незаменимым».

Отсюда вытекают некоторые принципы достижения статуса, позволяющего направлять процесс. Необходимо уделять повышенное внимание стратегическому планированию, повышению квалификации и профессионализма. При организации совместной работы нужно обладать потенциалом и волей для закрепления за собой ключевых операций. Важно стремиться к репутации организации, способной наиболее успешно решать тот или иной класс проблем. Таким образом, могут быть приобретены позиции, позволяющие добиваться решающего влияния при реализации проектов. При этом надо иметь в виду, что эти позиции лишь создают благоприятные условия, но не обеспечивают, механически, успеха в политических играх¹⁸⁷.

Структуризация практик взаимодействий агентов социальной работы с молодежью может осуществляться по различным моделям. Наиболее типична для России **модель механистической централизации**, при которой каждый участник стремится полностью подчинить себе весь процесс. Как правило, в наибольшей степени выражены, и имеют шанс быть признаны, соответствующие претензии региональных комитетов по делам молодежи.

Однако, данная модель конфликтна по определению. Проблема молодежной занятости не может быть полностью изъята из ведения региональных служб занятости, и в этой области попытки централизации сопряжены с неконструктивной конкуренцией. Область социальной педаго-

¹⁸⁷ Рассмотрение политических игр выходит за рамки рассматриваемой тематики. Подробнее с их теорией можно ознакомиться по работам Герберта Минцберга, выделившего 13 видов политических игр, Уильяма Стивенсона, Джейн Пирс, Эрика Берна.

гики конфигурирует второе поле конфликта влияний (молодежных организаций и органов системы образования). Аналогичным образом, нет оснований полагать однозначным процесс вытеснения конкурентов комитетов по делам молодежи из ряда других сфер (социальной активности молодежи, помощи молодым инвалидам и юным матерям, работы с группами риска). Видимо, есть основания полагать, что рецидивы комсомольского тотального контроля жизни молодежи имеют сомнительные перспективы.

Вторая **модель, органического типа**, предполагает развитие горизонтальных структур и возникает, прежде всего, из практик различного рода «круглых столов» и других форм гражданского диалога. В ней координация осуществляется в рамках долгосрочных и краткосрочных программ и проектов, каждый из которых предполагает, по определению, новые основания. Однако, накопление опыта приводит к неявной институционализации практик диалога, выработке его общих правил. На этой основе вполне может развиваться полноценное сотрудничество.

Развитие этой модели затрудняется конкуренцией, между собой, агентов социальной работы с молодежью, за скудные государственные ресурсы, вынуждающей стремиться вытеснить друг друга из пространства институционализованной деятельности. Кроме того, на ее потенциал негативно влияют тенденции эволюции демократических форм в России. На фоне общей неразвитости демократических институтов приходится предположить, что и эта модель имеет ограниченные перспективы.

Третья **модель, сетевой организации**, предполагает отказ координирующего центра от текущего контроля subprocessов. Центр берет на себя лишь разработку общего направления развития той или иной программы и организацию конкурсов, тендеров на ее реализацию. Этот путь в принципе противоречит бюрократической традиции, доминирующей в российских практиках администрирования, но является наиболее эффективным для современных российских условий.

7. 2. Партнерство с молодежными политическими организациями

Политические организации могут действовать в пространстве социальной работы с молодежью в ряде аспектов. Во-первых, политическая деятельность – это, в существенной степени, борьба за власть, и ею определяются решения властных структур. Прямое влияние этой деятельности на выработку непосредственно молодежной политики не очевидно. Однако, молодежная политика представляет собой неотъемлемую часть политической жизни вообще, в которой все взаимосвязано. Поэтому нельзя утверждать, будто рост влияния той или иной партии и ее молодежной организации не имеет к социальной защите молодежи никакого отношения.

Во-вторых, политические движения и партии участвуют в реализации социальной защиты населения, в том числе, молодежи, в качестве ор-

ганизаций, осуществляя различного рода благотворительность. Разумеется, делается это ради имиджа, завоевания электората; но осуществляются при этом довольно масштабные программы, с привлечением негосударственных средств.

В-третьих, политическая сфера неизбежно рождает экстремизм, выступающий одной из крайних форм деструктивной активности, в том числе, молодежи. Большинство боевиков различных экстремистских группировок – люди не старше 30 лет. В то же время, включение в законные формы политической активности может канализировать инициативу молодежи, предохраняя ее от антиобщественных действий. Поэтому с точки зрения интересов социальной работы с молодежью палитра политических движений и партий, борющихся за ее поддержку, далеко не безразлична.

Разумеется, социальные работники не могут своими силами устранить с политической арены экстремизм или обеспечить доминирование позитивно влияющих на молодежь сил. Однако, зная политическую ситуацию, предпочтения и симпатии молодежи, влиять на них, сотрудничать с руководством политических партий и движений они могут и обязаны.

Принципиально важным представляется вопрос о степени развития политических представлений молодежи. В нем принято выделять этапы ориентированного на значимых других восприятия, персонализации, формирования эмоциональных представлений о политике и институционализации представлений. При этом первые три этапа характеризуют уровень первичной политической социализации, на котором молодые люди лишь адаптируются к системе, а четвертый – уровень вторичной социализации, на котором личность вырабатывает собственные политические суждения. История дает слишком много примеров вовлечения в политическое действие молодых людей, ступивших лишь на второй или третий этапы политического развития. Именно они и становились материалом для реализации силовых акций, диктуемых теми или иными, скрытыми от самих исполнителей, целями.

К сожалению, рефлексивность, способность непременно осмысления последствий предполагаемого действия, также приходит с жизненным опытом и молодежи не всегда свойственна. По данным НИЦ Института молодежи (массовые опросы по репрезентативной выборке), для значительной части молодежи характерно романтизированное представление о сущности демократии, связывающее ее, прежде всего, со свободой (33 % в целом по выборке и 38 % в региональных столицах). На втором месте – «законность, порядок»: 32 %, но в столицах субъектов федерации лишь 28 %. Тенденция, таким образом, просматривается не к обретению зрелости, но, напротив, романтизации представлений. Это говорит о том, что их первоначальное содержание, рудиментарно фиксируемое «глубинкой», основывается просто на восприятии внешних установок. Юношам и девушкам известно, что в общественном мнении принято связывать демократи-

ческое устройство с устойчивым правопорядком, и они не критически принимают это суждение именно потому, что не выработали своих собственных. Естественно, смещение взглядов начинается в столичных городах, но идет оно не в сторону формирования целостных убеждений, а именно к высвобождению персонифицированного, эмоционального восприятия политики.

Гендерная специфика в этой сфере сводится к доминированию установок, обосновывающих практики исключения женщин из политической деятельности. Доминирующие в большинстве социальных групп представления предлагают модель женщины-политика, либо приближающуюся к образу «деловой леди», исключая женственность, либо создающую портрет своеобразно романтизированной участницы экстремистской группировки.

Разумеется, молодежь не воспринимает свои политические установки в качестве требующих коррекции, напротив, склонна к их нормализации. По данным тех же опросов НИЦ ИМ, считает себя гражданами России 62 % (нет – 14,4 %, затруднились с ответом 23 %), но при этом состоявшейся российской государственности полагает только 9,7 %, в то время как не состоявшейся – 58,3 %. Закономерен вопрос, принадлежность к чему именно заявляет большинство? При этом «не до гражданской активности» 42,3 % респондентов, полагающих, что важнее завершить учебу, найти работу, в то время как только 21,2 % полагают такую активность неуместной в силу отчужденности государства от молодежи. Трезвый взгляд на вещи можно только приветствовать; однако, сумма этих взглядов дает нам картину, не слишком обещающую в отношении формирования гражданского общества. Неудивительно, что 64,9 % ставят порядок, как ценность, выше демократии (в то время как только 27 % связывают установление в стране порядка и законности с объединением граждан на демократической основе).

Эти данные повторяются в ряде опросов второй половины 90-х годов. При этом сторонники «порядка», в свою очередь, не едины: примерно половина из них уповают на соединение харизмы «сильного лидера» с авторитетом выборной демократической власти (демонстрируя некоторую склонность к веберовской трактовке политического идеала), а остальные полагают возможным на время отказаться от Думы и дать сильному лидеру вывести страну из кризиса.

Все эти схемы достаточно иллюзорны: сильная власть, отказывающаяся от демократии, быстро превращается в диктатуру и теряет доверие нации, а демократия без устойчивых механизмов функционирования властных структур и тесной связи власти с народной инициативой эволюционирует к хаосу и произволу. Приходится констатировать высокий уровень отчуждения молодежи от государства, как такового, и приватизации жизнедеятельности.

Декларировать готовность к проявлению политической активности склонна довольно значительная группа молодежи: участвовать в забастовках полагают возможным для себя 23,4 %, в несанкционированных демонстрациях и митингах – 16,6 %, распространять декларации, манифесты, продукцию самиздата – 15,9 %. Однако, между намерениями и поступками существенная, и меняющаяся, в зависимости от ситуации, дистанция. Опыт последнего десятилетия показывает, что общая напряженность политической обстановки интенсивнее всего провоцирует экзальтированность именно молодежи: в акциях 1991 года молодое поколение участвовало достаточно интенсивно.

В то же время, не следует ожидать от юношей и девушек действий, переструктурирующих контекст политической ситуации, хотя не реализуемая установка не перестает быть установкой, порождая состояния, аналогичные феномену «внутренней эмиграции». Вывод можно сформулировать следующим образом: молодежь не выступит в роли инициатора и организатора радикалистских, экстремистских движений, но вполне может составить значительную часть их базы, если такие движения приобретут популярность. *Учет этих соображений в социальной работе предполагает безусловное наличие в социальных службах информации о политической ситуации в регионе и учет этой информации в прогнозировании поведения молодых людей.*

Сотрудничество социальных служб и политических организаций в молодежной работе наиболее институционализировано в странах с развитой демократической традицией.

В США действуют мощные молодежные организации. Это Национальная федерация молодых республиканцев, насчитывающая порядка 350 тысяч членов, объединенных в местные клубы; Молодые демократы Америки – официальная молодежная организация демократической партии; Молодые социал-демократы, относительно немногочисленная сейчас, но старая и весьма активная организация. С 1960 года работает консервативный Союз молодых американцев за свободу, насчитывающий более 100 тысяч членов. Самостоятельно существуют также национальные студенческие организации республиканской и демократической партий. Все они взаимодействуют с социальными службами, общинами, участвуют в реализации ряда социальных программ – по борьбе с наркотиками, развитию образования, помощи трудным подросткам; выступают в роли посредников для частной благотворительности (как и различные фонды).

Иное положение в России. Наша страна имеет традиции молодежного политического движения. В 1909 году была создана первая скаутская дружина, и в последующие годы скаутские организации, а также поддерживаемые различными партиями объединения, приобретали существенное влияние на молодежь. На рубеже 20-х – 30-х годов все некоммунистические организации были ликвидированы.

Результатом монополии одной государственной идеологии стало снижение реальной политической активности молодежи, ставшее особенно очевидным к середине 90-х годов. Деполитизация фиксируется рядом на-

блюдений и исследований. По данным наших опросов в Саратовской области 1998 года, отношения в политическом пространстве выражено дискриминируются, им отводится в рейтингах последняя позиция с существенным отрывом. Аналогичны данные, приводимые З. В. Сикевич, по Петербургу: участие в политической жизни занимает последнее место в интересах школьников (6,7%)¹⁸⁸. По данным нашего исследования в Саратовской области 1997 года, абсолютное большинство (68,69% по выборке) полагают для себя неприемлемыми какие бы то ни было формы политической активности. Среди остальных большая часть связывают возможности участия в политической жизни только с агитацией предвыборных кампаний, причем 8,32% готовы подобную активность проявлять лишь на платной основе (а среди студентов 11,54%, что связано с их реальным знакомством с такого рода практикой).

В партиях, движениях готовы участвовать только 6,75%. Здесь наивысший показатель тоже среди студентов, 12,64%, в то время как у школьников втрое ниже, 3,09%. Зато противоположное соотношение мнений в отношении участия в митингах и демонстрациях. Студенты позитивно относятся к этой форме политической активности в наименьшей степени: 3,02%, по школам – 4,58%, колледжам – 6,51%. И здесь студенты апеллируют к своему опыту различных вузовских акций протеста, мнения других групп учащейся молодежи прожективны.

Данный вывод подтверждается противоположной картиной мнений в отношении забастовок: среди студентов готовы в них участвовать 10,44%, в колледжах - 3,06%, в школах - 2,72%. Вузовские забастовки второй половины 90-х годов в Саратовской области, как правило, сопрягались с выплатой бюджетных задолженностей, что, собственно, и было главным требованием бастующих, в отличие от митингов и демонстраций, такого видимого эффекта не производивших. Строго говоря, само отнесение респондентами забастовок, демонстраций и митингов к формам политической борьбы свидетельствует о несколько условном взгляде на проблему, поскольку в регионе не характерна политизация такого рода акций. В политическом контексте они воспринимаются респондентами главным образом по сообщениям средств массовой информации.

Отметим еще одну деталь: доля считающих для себя всякую политическую деятельность неприемлемой, среди школьников выше всего по сельским школам, и ниже всего по элитным. Это еще раз доказывает первенство социокультурных факторов по сравнению с экономическими. Политическая активность диктуется не столько непосредственно статусными характеристиками, сколько структурами жизненных смыслов.

Последнее обстоятельство может иметь существенный смысл для политической жизни страны. По данным М. А. Шабановой, репрезента-

¹⁸⁸ См.: Социология молодежи/ Под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 1996. С. 335.

тивным для сельских районов Западной Сибири, образы свободы для 85% по выборке многогранны, включая до семи аспектов, и, при столь высокой дифференцированности, явно деполитизированы. Свобода понимается прежде всего как материальный достаток, обеспечивающий экономическую независимость. При этом 42% заявили, что «новые» свободы для них не значимы и вполне приемлемо было прежнее положение вещей, до начала девяностых годов¹⁸⁹.

Парадигма демократического общества, основанного на экономической свободе, плюрализме, многопартийности, для значительной части населения распадается на не связанные между собой элементы. Предлагаемый образ свободы просто не воспринимается в качестве такового. Государственная политика в России давно не являлась полем открытой борьбы частных и групповых интересов, реализовывавшихся вне ее пространства. При этом отчуждение политики от общества столь глубоко, что без поддержки остаются даже добросовестные попытки изменить ситуацию.

Вес политизированных молодежных организаций в современной России незначителен. Общая численность сторонников крупнейших не превышает 90 тысяч человек. При этом, всеми ими активно эксплуатируются аффилиативные стремления молодежи. Особенно показательна в этом плане сеть «Идущие вместе», где организация оказывается самоцелью: сколачивая «пятерки» и «десятки», функционеры поднимаются во внутренней иерархии, получая и подкрепление в виде оплаты труда¹⁹⁰.

Это реальное положение вещей маскируется активностью политической элиты. В середине девяностых годов в России функционировало 70 международных, федеральных, межрегиональных молодежных объединений, 5 молодежных организаций при политических партиях. Но, по самым завышенным данным, охватывала эта разветвленная сеть лишь 0,5-2% молодежи¹⁹¹. По точной оценке Ю. Л. Качанова, *российская политика не выражает ничего, кроме самой себя... политическая реальность предстает сегодня не в качестве чего-то объективного... но как отражения отражений, отражения отражений отражений... которые, в свою очередь, ничего не выражают, не имеют действительного значения*¹⁹². И можно было бы лишь приветствовать деполитизацию социализационных процессов, если бы за эфемерностью политической реальности не стоял, с жесткой определенностью, вопрос о власти.

¹⁸⁹ Шабанова М.А. Свобода и независимость в меняющемся обществе. Социологический аспект // Социологический журнал. 1996. №3\4. С. 86-87.

¹⁹⁰ Куда идем мы с Пятачком? // Комсомольская правда. 2001. 14 июля. С. 8-9.

¹⁹¹ Молодежная политика. Информационный бюллетень №129-130/ Под ред. Б. А. Ручкина. М., 1997. С. 34-36.

¹⁹² Качанов Ю.Л. Политическая топология: Структурирование политической действительности. М., 1995. С. 211, 210.

В наибольшей степени артикулированы проблемы социальной защиты молодежи в деятельности прокоммунистических организаций. Их пропаганда может исказить картину общественного мнения по этим вопросам.

В обращении к молодежи страны, принятом 20 февраля 1999 года Учредительным Съездом Союза Коммунистической Молодежи, заявлено: «Приветствуя, как и все молодые люди, идеалы свободной личности, развитие инициативы, свободу слова, печати, собраний, демократизацию властных институтов, мы не можем спокойно взирать на опасное развитие в молодежной среде таких асоциальных явлений, как преступность, проституция, наркомания и алкоголизм... выступаем за полноценную реализацию права каждого молодого соотечественника на гарантированные государством равные стартовые условия в жизни».

Обращение ставит ряд задач в пространстве социальной работы с молодежью: добиться, чтобы студент, учащийся техникума или ПТУ мог спокойно учиться и полноценно отдыхать, не беспокоясь о дополнительной зарплате, работающая молодежь регулярно получала достойную заработную плату, имела полноценные условия труда и отдыха, безработные как можно быстрее находили хорошо оплачиваемую работу, молодые мамы вовремя получали детские пособия, качественное медицинское обслуживание и всестороннюю поддержку государства в воспитании детей, демобилизованные из армии молодые военнослужащие не оставались без жилья и работы. Однако, решение этих проблем рассматривается исключительно в контексте радикальной смены политического устройства страны, более того, глобальных изменений в международном балансе сил.

Используя патриотические лозунги, абсолютное большинство прокоммунистических движений, в той или иной степени, артикулирует в своих программах «антизападничество», антиамериканизм, в сочетании с требованиями немедленной, использующей непарламентские средства, борьбы за власть, что создает почву для экстремистских настроений.

Показательна в этом плане логика аргументов А. Тарасова, ведущего эксперта Центра новой социологии¹⁹³ и изучения практической политики «Феникс», политического советника профсоюза «Студенческая защита», презентирующая достаточно полно в статье «Молодежь России: "No future"?»). «Совершенно очевидно, что Советская власть никогда не доводила молодежь до такого состояния тотальной заброшенности, как сегодняшний режим. И совершенно неважно, что молодежная политика Советской власти объяснялась чисто прагматическими причинами: заботой о стабильном развитии страны, стабильном существовании режима, необходимостью подготовки кадров (и технических, и идеологических), соревнованием с Западом, наконец», - утверждает в статье. При этом, существо дела «тотальное отчуждение молодежи от власти. В советский период существовал институт связи молодежной массы с властью – ВЛКСМ».

¹⁹³ «Новая» социология также понимается А. Тарасовым и его коллегами в политизированном плане. Речь идет о противопоставлении собственной позиции «беспринципности» бывших советских философов и представителей других общественных наук, занимающихся сегодня социологией и не принимающих марксизма. Именно такое изменение позиций в отношении марксистской идеологии и рассматривается А. Тарасовым в качестве основания для дискредитации современной российской социологии.

В качестве доказательства способности комсомола к осуществлению этой роли приводятся эпизоды поддержки руководством ВЛКСМ некоторых инициатив «снизу». Объектом ностальгии оказывается и система воспитания молодежи, существовавшая в советскую эпоху. Альтернативой ей видится представленная в самом неприглядном свете картина полного пренебрежения к юношеству сегодня.

«Жизнь "пэтэушника" такова: учить ничему не учат (преподаватель физики, например, ставит пять баллов тому, кто первым успеет правильно ответить на вопрос "сколько времени"), перспектив никаких (работы по специальности не предвидится), "пэтэушники" живут в атмосфере полицейского террора (в милицию их забирают по поводу и без повода, при этом, естественно, избивают), денег нет, поэтому от всякого культурного досуга они отстранены, основное времяпрепровождение – бесцельное шатание по улицам (дома-то тоже тошно), предел мечтаний – раздобыть "травки", забить один "косяк" на всю немаленькую компанию (на большее денег нет) и "покейфовать" где-нибудь в подъезде». Не лучше и положение студенчества. Для иллюстрации приводится пример наблюдаемой автором московской студентки, у которой не хватает денег на пропитание и съездить на похороны матери. Из этого эпизода следует переход к практической программе: в интервью А. Тарасову студентка заявляет, что жалеет об отсутствии в России террористических организаций, совершающих акции против представителей власти - «это было бы справедливо».

В конфигурируемом таким образом пространстве «выразителями интересов» молодежи оказываются организации типа «Партизанского движения», выступающие с призывами типа: «Из тебя сделали маргинала. Из тебя сделают в лучшем случае приставку к тому или иному конвейеру, в худшем – выбросят на свалку как некачественный товар... Они называют нас экстремистами. Это не экстремизм – это нормальная реакция живых людей на происходящее, просто живых осталось немного»¹⁹⁴. В качестве единственного решения социальных проблем рассматриваются политические выступления молодежи, типа имевших место в апреле 1994, 1995 годов. Какая-либо позитивная активность отрицается, как не способная изменить положение вещей.

Примечательно, что молодежные прокоммунистические организации обращаются не к пролетариату, а к учащейся молодежи. Как утверждает А. Тарасов, «СССР до "перестройки" оставался последним оплотом европейской классической цивилизации. Сегодня настала его очередь. Предполагается, что именно молодежь, культурно и социально еще не укорененная, должна выполнить роль "человеческого тарана" в деле разрушения европейской классической цивилизации в России и замены ее цивилизацией американской "масс-культуры". Для этого, разумеется, необходимо предвзительно изменить ценностную ориентацию молодежи – идеал творца, высокий статус интеллигента должен был заменен идеалом обывателя, высоким статусом денежного мешка».

¹⁹⁴ Черная звезда. 1995. №1. С. 22.

Концепция эта, заметим, не оригинальна, представляя собой продолжение идей, высказанных еще в 1989 году, в докладе Совета по проблемам общественного развития при Московском экспериментальном творческом центре Совета Министров СССР (группа С. Е. Кургиняна, Ю. В. Громыко, И. Ю. Сундиева). Доклад содержал «новую гуманистическую теологию», основная идея которой – «не производство ради потребления, а производство как высшая духовная миссия страны в общечеловеческом космическом плане».¹⁹⁵

Перспектив у такого рода идеологических конструкций в современной России мало. Однако, радикалистские организации, конкурирующие друг с другом за авторитет у студенчества¹⁹⁶, оказывают свое деструктивное воздействие, в том числе, и на возможности использования потенциала части молодой интеллигенции в социальных проектах.

7. 3. Социальная работа и религиозные организации

Семь десятилетий государственного атеизма обусловили господство представлений о роли религии в российском обществе, как далекой от реального участия в решении его актуальных проблем.

Определяющее влияние церкви в деле воспитания юношества в начале XX столетия и наличие мощных религиозных молодежных организаций еще в 20-е годы (кстати, доминировали тогда объединения протестантской ориентации; например, Христомол объединял в 1928 году более 2 миллионов юношей и девушек), принимаются сегодня как просто исторические факты. Социальные работники склонны дистанцироваться и от зарубежного опыта сотрудничества социальных служб с религиозными организациями.

Между тем, ситуация в России существенным образом изменилась за последнее десятилетие.

Еще в середине 80-х годов, по данным массовых опросов, уровень религиозности молодежи фиксировался в пределах 1-2 % (для взрослого населения, по добросовестным данным – около 10 %). В конце 90-х годов ситуация радикально меняется: о своей принадлежности к верующим заявляют 32,1 % молодежи (34,9 % взрослого населения), в то время как атеистами себя полагают только 14,6 % (среди взрослых – 13,5%). Конечно, аудиторией этих опросов стали, собственно, *разные* группы (поскольку юноши и девушки конца 90-х были детьми в середине 80-х), но не слишком ответственно было бы довольствоваться таким наивным объяснением.

¹⁹⁵ Кургинян С. Е. И др. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат. 1990. С. 82-83.

¹⁹⁶ Показательна в этом плане полемика в Интернете Революционного контактного объединения с руководством РКСМ(б) и редакции газеты «Бумбараш», со взаимными обвинениями в сталинизме и троцкизме.

Правильным будет описать ситуацию в пределах доступной информации, с тем, чтобы затем обратиться к более глубокому анализу. Такое описание может быть сделано следующим образом: *формально* безрелигиозное общество стало *формально* религиозным. В принципе, если бы конфессиональные организации поставили перед собой задачу стопроцентного «охвата» молодежи (как в советское время комсомол), то они могли бы ее решить. Существенно, однако, не это, а те реальные поведенческие установки, которые стоят за формальным прокламированием своей принадлежности к той или иной конфессии, поскольку именно от них зависит понимание задач взаимодействия с конфессиональными организациями социальных служб.

Прежде всего, очевиден разрыв между двумя типами самоидентификации. Молодежь в подавляющем большинстве заявляет о принадлежности к традиционным религиозным объединениям (порядка 4/5 – к православной церкви, около 1/10 – к исламу), в то же время, не проявляя той же уверенности в определении своей мировоззренческой принадлежности.

К православным относят себя 56,2 % в группе колеблющихся в выборе своего отношения к вере в Бога, 24,1 верящих в сверхъестественные силы (то есть, собственно, еретиков с точки зрения ортодоксального православия), и даже 2,1 % не верящих в Бога вообще. *Православный атеист* – действительно, символический нонсенс нашей эпохи.

Во всех этих случаях речь идет отнюдь не о раздвоении личности. Мы имеем дело с людьми, для которых церковная общность – однозначно, *общность социальная*. Однако, с позиций действительно верующих, Церковь – тело Господне, град Божий, противопоставленный царствию земному. Не вдаваясь в мистические толкования, или анализ патристики, начиная от Августина и Исаака Сирина, достаточно указать на чисто формальное соображение: абсолютное большинство провозглашающих себя принадлежащими к православной церкви с позиций самой церкви являются отлученными от нее, просто как не принимавшие в течение года и более причастия (чему необходимо предшествует исповедь). Между тем, регулярно посещают церковь всего 3,2 % православной молодежи (этот показатель существенно выше у мусульман – 13,3 % и особенно, протестантов: 57,1%); систематически находятся в кругу конфессионального общения лишь 4,4 %. Несущественным это может казаться только атеисту. Не только во времена первоучителей, но и сегодня, устами Патриарха и соборов, Православная церковь (к которой относят себя большинство молодых верующих) подчеркивает, что не является общественным объединением, и на нее не распространяются свойственные таким объединениям критерии членства.

Основой принадлежности к любой конфессии выступает именно принятый в ней Символ веры. Между тем, по данным опросов, к колеблющимся между верой и неверием относят себя 32,7 % православной моло-

дежи, 30% мусульман, 14,3 % протестантов. Впрочем, в то же время, парадоксальным образом абсолютное большинство *не рассматривают* религиозные организации в качестве общественных: подобный взгляд выразили только 5,4 %, в то время, как 24 % полагают, что конфессиональные организации должны работать только среди верующих, а 49,2 % считают для них возможным служить укреплению духовности и нравственности в обществе.

Парадокс этот имеет простое объяснение: к сожалению, молодежь воспроизводит все те же установки относительно необходимости господствующей идеологии, будто бы «необходимой» для нормального функционирования общества. Между тем, история дает довольно примеров попыток построения «царства Божия на земле» (от анабаптистской диктатуры в Лейдене и Сэйлемских процессов до эксперимента аятоллы Хомейни), и все они имели самые губительные последствия. Подлинно религиозное мироощущение предполагает не строгое осуществление в земной жизни заповедей (что принципиально невозможно), а именно понимание этой жизни, как грешной, несправедливой, противопоставленной жизни вечной. Именно этот подход, при всей его кажущейся иллюзорности, на деле оказывается единственно продуктивным.

Выявленная выше установка оказывается латентной. В явной форме тезис о том, что православие должно стать государственной религией, разделяют лишь 11,5 % в целом (среди считающих себя православными 18,4 %) молодых людей (среди взрослых – 16,3 %). Равенство религий признают 40 %; распространяют его только на традиционные религии, допуская ограничения новых конфессий, 23,2 % (что меньше, чем по взрослому населению – 28,2 %; один из случаев, когда молодежь проявляет большую сдержанность и толерантность). Последняя позиция тоже является свидетельством приверженности не столько официальной линии патриархата, сколько все той же советской традиции, привычно разделяющей легитимные и нелегитимные процессы. Это проявляется и в электоральном поведении молодежи (как и взрослой части общества). Реально участвовавшие в последних парламентских кампаниях Христианско-демократический союз, «Нур», Союз мусульман России потерпели сокрушительное поражение, не набрав и одного процента голосов. На этом фоне безусловно мудрой оказывается жесткая позиция патриарха, закрепленная в соборных решениях, безоговорочно запрещающая православным священнослужителям *любое* участие в политической деятельности.

Отсутствие предпосылок клерикализации политической жизни России и известный формализм принадлежности к церкви (среди православной молодежи признаки реальной воцерковленности, подразумевающей регулярное посещение литургии, причастие, колеблются от 3 до, максимум, 8 процентов), не может служить основанием для недооценки значимости учета роли религиозного фактора в числе определяющих простран-

ство социальной работы. По оценке Чарльза Глока (лежащей в рамках концепции *невидимой религии* Т. Лукмана), принадлежность к религиозным организациям выступает в качестве функции внесения значимости в религиозный опыт. Религиозный статус подкрепляет, или конструирует, статус социальный. Разумеется, в современных условиях эти процессы имеют иной смысл, нежели в средневековом обществе, но функционально близки характерным именно для той эпохи.

Общей характеристикой религиозности молодого поколения может служить ее не церковный и пассивный характер. Примерно половина посещает церковь 1-2 раза в год, но и это, скорее, реализация причастности к праздничной обстановке Пасхи или другого из двенадцатых праздников, а не систематическое подтверждение принадлежности к общине верующих. В литературе проводится аналогия между этим состоянием в России и тем, что Томас Лукман определил как приватную религию, или *невидимую церковь*. Однако, стоит иметь в виду различие, определяемое принципиальной разницей ситуаций. В европейских странах и США невидимая церковь становится этапом эволюции многовековой воцерковленности практически всего населения. Церковь там не пережила не только тотальной атеизации народа, но и той степени подчиненности государству, какая имела место в России последние столетия, на фоне которой кризисы Реформации или русского раскола отнюдь не столь значимы. Поэтому природа неформальной религиозности российской молодежи отлична от западных практик и требует фундаментального изучения. Эта задача, разумеется, не может ставиться перед социальными службами; речь идет об осторожности в оценках и выработке иммунитета против поспешного использования не до конца проверенных теоретических схем.

В то же время, фиксируемая система установок молодежи в отношении конфессий, принадлежность к которым юноши и девушки прокламируют, явно ориентирует социальные службы на установление и развитие контактов с конфессиями прежде всего, в пространстве их социальной деятельности.

Среди организаций, с которыми социальные службы должны взаимодействовать в работе с молодежью, особое место занимает Православная церковь, к которой себя относит большинство российской молодежи.

Собственно, сама церковь себя не полагает организацией, будучи соборным единением людей во Христе. Однако, такое понимание не означает устранения из мирской жизни вообще. Напротив, Православная церковь в конце XX столетия стремится активно вмешиваться в мирские дела. В принятых Священным юбилейным Архиерейским Собором в августе 2000 года Основах социальной концепции Русской Православной церкви сказано: «церковь связана с миром... однако она взаимодействует с ним не как сугубо земной организм... церковь – не от мира сего... ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и **восстановление самого мира... цер-**

ковь призывает своих чад к участию в общественной жизни... мир, социум, государство... предназначены к преобразению и очищению»¹⁹⁷.

В этой деятельности, не ставя прямой задачи обращения всех в православие в качестве условия сотрудничества, церковь готова ко взаимодействию с государственными и общественными организациями. Основные области такого взаимодействия определены Архиерейским собором. В их числе забота о сохранении нравственности; духовное, культурное, нравственное и патриотическое воспитание; милосердие и благотворительность, развитие социальных программ; профилактика правонарушений; культура и творческая деятельность; поддержка института семьи, материнства и детства¹⁹⁸. По ряду позиций эта программа приходит в соприкосновение с задачами социальной работы с молодежью. Поэтому вполне естественно, что именно состоявшийся в августе 2000 года Собор принял и решение о создании Синодального отдела по делам молодежи.

В мае 2001 года в Москве прошел Съезд православной молодежи, в работе которого приняли участие представители 89 епархий, представители зарубежных православных церквей, представители общественных организаций, а также лица, ответственные за проведение молодежной политики в субъектах Российской Федерации. Съезд получил приветствия в свой адрес от высших органов государственной власти: Президента РФ В. В. Путина, обеих палат Федерального Собрания. Таким образом, есть основания полагать сделанными первые шаги к реализации идеи сотрудничества церкви и государства в деле формирования молодого поколения.

Анализ правительственных документов, подготовленных в связи со съездом православной молодежи, позволяет отчетливо определить содержание позиции государственной власти в отношении сотрудничества с церковью. И в приветствиях от руководителей высших органов власти, и в докладе министра образования, артикулировались, в качестве областей молодежной политики, открытых для сотрудничества, патриотическое и нравственное воспитание, образование, обеспечение социальных гарантий. Государство ожидает от церкви помощи в создании заслона бездуховности, бесцельному времяпрепровождению, религиозному экстремизму. Церковь рассматривается как один из ведущих институтов, обеспечивающих сохранение духовных ценностей.

Церковь критически относится к распространенным среди части общества, особенно педагогов, опасениям по поводу возможности ухода от активной жизни молодых людей под влиянием религии. Такие опасения основываются на отсутствии знакомства с православными детскими и молодежными программами. Неосновательно мнение, будто рыночной экономике соответствует только протестантизм, а православие – религия созерцательная. Напротив, православие поощряет всякий труд, в том числе, предпринимательский, не призывает к добровольной нищете, как некоторые восточные секты. Климент Александрийский указывал, что милосердие не может существовать, когда нет никого с достатком. Богатство есть орудие добротолубия. Даже история русского

¹⁹⁷ Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Воскресная школа. 2001. № 8. С. 7.

¹⁹⁸ Там же.

монашества, как замечал Сергей Булгаков, демонстрирует, как духовная энергия подвижничества перековывалась в материальное богатство: монахи становились первопроходцами, обживали дикие места, где потом вокруг обителей возникали города.

Поэтому именно участие молодежи в делах благотворительности рассматривается церковью как самое действенное средство спасения души. «Стоит только один раз сделать доброе дело: посетить детский дом, принять участие в восстановлении порушенной святыни, бесплатно поделиться своими знаниями и умением – и в жизни молодого человека что-то изменится».

Синодальным отделом по делам молодежи выделены следующие основные направления работы. Особенно важным признается создание широкого *общественного объединения* православной молодежи для совместной деятельности тех, кто вошел в церковную ограду, и тех, кто находится на пути к храму. Приоритетными для него рассматриваются *программы социального служения* молодежи, организация добровольного участия в социальной работе братств и сестричеств, реабилитации наркозависимых, волонтерских проектах, экологических программах, туристических лагерях, благотворительных акциях.

Вторым принципиально важным направлением деятельности признается возвращение православия в сферу образования. В связи с этим для самой церкви признается важным создать школу духовных наставников, вооружить их эффективными методиками. В организационном плане ставится задача создания епархиальных советов по делам молодежи¹⁹⁹.

Деятельность православной церкви в области работы с молодежью сегодня не лежит, исключительно, в сфере проектов. Существует достаточно богатый опыт практической реализации ее идей. С середины 90-х годов действует программа детских летних православных лагерей. В них детям предоставляются условия для отдыха и развлечений, вместе с тем, осуществляется христианское воспитание: ведется профилактика дурных привычек (курение, сквернословие); изучение Святого Писания; дети общаются к молитве и исповеди.

Под окормлением протоиерея Аркадия Шатова осуществляется деятельность православных сестричеств, лежащая чисто в области социальной работы. В России, как и в большинстве христианских стран, церковные организации традиционно направляли активность женщин в области благотворительности, помощи медицинским учреждениям. Прерванная переворотом 1917 года, эта традиция имеет шансы к возрождению.

Достаточно активно работают православные общины в ряде высших учебных заведений, особенно Петербурга. Наиболее интенсивную дея-

¹⁹⁹ Доклад архиепископа Костромского и Галичского Александра, Председателя Синодального отдела по делам молодежи // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 6. С. 54-59.

тельность проводит община Московского государственного университета, возглавляемая протоиереем Максимом Козловым.

Ряд лет существует на Патриаршем Крутицком подворье организация «Рестаuros». Объединяемые ею юноши и девушки выезжают, в свободные дни, для участия в восстановлении архитектурных памятников – церквей и монастырей.

На Крутицком подворье создана и футбольная команда «Пересвет», по мысли Синодального отдела по делам молодежи, ее опыт может быть использован в существенном расширении православного воспитания в сфере спорта.

Церковь выпускает ряд популярных молодежных изданий. Это журнал Московской духовной академии «Встреча», православная юношеская газета Новоспасского монастыря, газета «Татьянин день», выпускаемая в МГУ. С лета 2001 года начался выпуск журнала «Сретенье». Отделом по делам молодежи курируется и Интернет-проект «Невод». По мысли его организаторов, у провайдеров и веб-мастеров может быть свой святой покровитель, как святитель Феофан-Затворник, а всемирная сеть может не только создавать угрозы духовному воспитанию, но и помогать ему. В настоящее время церковью уже ведется ряд сайтов, пока, однако, не в полной мере учитывающих особенности молодежного восприятия. Но в этом отношении церковь, в последнее время, демонстрирует высокую степень гибкости²⁰⁰.

Разумеется, не только православная церковь ведет активную деятельность в пространстве социальной работы с молодежью. Соответствующие программы реализуются исламскими организациями, христианскими, буддистскими конфессиями. Показательна и программа Food for life, реализуемая организациями Общества сознания Кришны. Однако, влияние православной церкви остается наиболее масштабным.

Ситуация в России существенно отличается от характерной для большинства христианских стран. В ряде государств действует практика заключения конкордатов с Римской курией, согласно которым правовой статус католических общин определяется не только внутренними законами, но международным правом в той мере, в какой его субъектом выступает Ватикан. В большинстве стран победившей Реформации действует принцип территориализма, согласно которому суверенитет государства действует и в отношении религиозных общин. В крайнем выражении, этот принцип может предполагать и устранение иноверцев, но на практике в современных условиях реализуется в виде государственной церковности: община, принадлежащая к официальной государственной религии, пользуется преимуществами (таково положение вещей в Великобритании, Норвегии, Греции²⁰¹). Возможны и различные формы отделения церкви от госу-

²⁰⁰ В качестве иллюстрации может служить приводимый дискурсивный анализ Обращения съезда православной молодежи.

²⁰¹ В Греции, по свидетельству Архиепископа Афинского и всей Эллады Христула, 87 % учащихся гимназий и 77 % учащихся лицеев заявляют о своей приверженности к православию и ставят церковь на первое место среди организаций, которым доверяют.

дарства. Теоретически, в США церкви выступают в роли корпораций частного права, что предполагает нейтральность государства в отношении всех конфессий. На практике, ряд официальных процедур являются христианско-ориентированными. В Германии католическая, евангелическая церкви имеют статус корпораций публичного права.

Наиболее показателен случай США. Хотя здесь церковные организации официально отделены от государства и могут претендовать на финансовую помощь лишь в светских целях, и на тендерной основе, они оказывают мощное влияние на положение дел в социальной работе с молодежью. Большинство крупных конфессий имеют свои национальные молодежные организации, осуществляют ряд образовательных и социальных программ. Существует и межконфессиональная организация Pioneer ministries, работающая с молодежью 70 разных вероисповеданий. С 1978 года в Нью-Йорке работает Совет церквей, объединяющий приходы 30 вероисповеданий. Под его патронажем создан центр для социально опасных подростков. С 1977 года действует Covenant house, учреждение, оказывающее помощь трудным подросткам. При нем действуют семейный консультационный центр, два приюта; молодежи оказывается помощь в трудоустройстве.

Несомненно, адаптация зарубежного опыта сотрудничества государственных и профессиональных организаций в социальной работе среди молодежи сталкивается с рядом трудностей, но определенная перспектива у нее есть.

При выработке концептуальных оснований взаимодействия с профессиональными организациями социальным службам необходимо принимать во внимание существенные различия в правовых и политических аспектах вопроса. Публичные акции, подчеркивающие лояльность лидеров федеральной и региональных властей в отношении традиционных религий (прежде всего, православия), способны создавать иллюзию едва ли не ситуации существования государственной религии, как то имело место в Российской империи, или большинстве европейских государств до начала XX столетия. Эта иллюзия в особенности поддерживается привычной идеологизацией власти, на протяжении ряда веков не имевшей альтернатив. Необходимость официальной идеологии стала устойчивым стереотипом, и когда высшие официальные лица государства присутствуют на религиозных церемониях, многими это воспринимается как указание на конфессиональный характер официальной идеологии. Между тем, российское государство, перестав быть атеистическим, отнюдь не стало православным.

Основы современной политики свободы совести разработаны отнюдь не после *странной революции* 1991 года. Они принадлежат предшествующей эпохе, будучи оформлены законом СССР октября 1990 года. Согласно статье 1 этого закона граждане СССР имели право свободного исповедания религии, статье 6 – получения религиозного образования, статья-

ям 7, 12, 14 – регистрации конфессиональных организаций. Таким образом, еще в государстве, где конституционно была закреплена руководящая роль коммунистической партии, уже были приняты основные принципы, развитые затем в законе РФ от 19 сентября 1997 года. Таким образом, речь идет об элементарных стандартах политики государства, претендующего на статус цивилизованного, в отношении конфессиональных объединений. Естественно, что именно эти стандарты предполагают невозможность любых форм теократии, или, хотя бы, государственной религии, поскольку в этом случае налицо будет очевидное ущемление свободы совести граждан, желающих исповедовать другие веры. Все эти положения не было бы нужды обсуждать, не живи мы в государстве с многолетней атеистической традицией.

Одним из центральных для социальных работников в отношении религиозности молодежи выступает, несомненно, вопрос о сектах. Он оказывается наиболее очевидным, непосредственным, поскольку именно в связи с обращением юношей и девушек к тем или иным нетрадиционным культам, как правило, возможно возникновение ситуаций, предполагающих допустимость вмешательств.

Под сектой понимается, по определению, данному еще Э. Трельчем, объединение верующих, отделяющееся от той или иной конфессии, в силу возникновения новых толкований догм, культа, или других аспектов жизнедеятельности общины. Именно обособленность, «отделенность» выступает решающим признаком; секта не была бы таковой, не будь она противопоставлена большинству. Отсюда и вытекают все особенности ее организации. Это неформальный, преимущественно харизматический, характер управления; повышенное внимание к вопросам догматики (в традиционных исповеданиях для мирян часто просто закрытым); подчеркивание единства общины (характерное для всякой обособляющейся группы, что является одной из базовых закономерностей, определяемых в социальной психологии). Секты могут, со временем, развиваться в деноминации, но могут и длительное время существовать в первоначальной форме.

Пользующиеся реальным влиянием секты России имеют, как правило, не местное происхождение. Условно их можно разделить на сформировавшиеся в лоне протестантских деноминаций и имеющие восточное происхождение. Последние также, как правило, пришли в Россию через страны Запада, однако, и там были востребованы со своей спецификой, заполняли особые ниши, конкурируя с сектами, возникшими на основе «улучшения», «исправления» протестантского миропонимания. Кроме того, существует ряд движений, обычно называемых сектами, но, строго говоря, таковыми не являющихся, как сайентологическое (центры дианетики Рона Хаббарда), или различные объединения астрологов. В этих случаях речь идет не о религиозных мировоззренческих системах. Проведение такого различия важно не только в теоретическом плане, но и применительно к

практическим задачам. Вряд ли можно построить какую-либо эффективную концепцию вмешательства на заведомо ошибочных посылах. Что касается объединений типа саентологического, видеть в них религиозные организации – значит, распространять на них подходы, уместные в отношении конфессиональных групп.

В целом отношение к сектам в РФ свидетельствует, что мы имеем дело с обычной практикой стигматизации любых не получивших официальной санкции объединений как диссидентских. Такой подход адекватен определенным уровням развития общественных систем, но в нашу эпоху рассматриваться иначе, как реликтовый, не может.

Что касается сект «протестантского происхождения», классификация их несколько затруднена отсутствием в протестантизме вообще строгой иерархии. Так, баптистская церковь – одна из уважаемых деноминаций в США, в России на протяжении ряда десятилетий была представлена катакомбными группами, естественно, не имевшими постоянных связей с центрами баптистской ориентации за рубежом. Поэтому вряд ли можно распространять на них, а priori, те или иные суждения, верные для американских баптистов – равно как и отрицать с порога возможность тождественности позиций. Проще говоря, нужен конкретный анализ, а не наклеивание ярлыков. Сходным образом обстоит дело и с мормонами. Имеющиеся в российской литературе суждения по поводу этого течения базируются, главным образом, на газетных «утках» конца позапрошлого века. Во всяком случае, обсуждение казусов с основателями этого движения мало поможет лучшему пониманию деятельности его современных последователей в России.

Вместе с тем, существует и ряд сект, практически в «чистом виде» переносящих свою деятельность на российскую почву. Типична в этом плане «Церковь Христова», созданная в 1979 году в Бостоне Кипом Мак-Кином. Ее концепция может рассматриваться как классическая модель современной секты. Во-первых, в ее основе лежит предельное упрощение христианской проповеди. По существу, из нее выхолащивается все, кроме набора истин, приемлемых для любого типа религиозного сознания вообще: касательно противостояния добра и зла, идеи спасения, осуществляемого через индивидуальное действие, в единении с другими членами секты. Во-вторых, акцентируется система духовничества, обращаемая в подобие культа гуру восточных учений. Авторитет учителя позволяет снимать проблемы спорных толкований тех или иных положений несовершенного учения. В-третьих, от обращенных требуется активное участие в жизни общины. По существу, речь идет о политизации сознания, формировании не столько религиозного, сколько именно общественного движения.

Несколько иначе развивалось движение *свидетелей Иеговы*. В США оно не является одной из признанных ведущих деноминаций, сохраняя промежуточный статус между сектой и общественным объединением

(впрочем, эти статусные характеристики зачастую смешиваются и у вполне уважаемых деноминаций США). Возникло оно в 1872 году, отколовшись от адвентистов седьмого дня. В принципе, для свидетелей Иеговы характерны некоторые черты, присущие идеологиям ересей средневековья. Прежде всего, это манихейское противопоставление «войска Божия» и «войска дьявола», на которые делится человечество (при этом, как и катары, они полагают официальную церковь главным оплотом сатаны). Кроме того, отличным от традиционного в христианстве оказывается и понимание природы божественного откровения. На практике все это означает решительное осуждение всяких мирских привязанностей, тенденцию увода вовлекаемых в секту людей от семьи, из привычного круга общения. Неустроенность современной российской жизни, разумеется, может поощрять к восприятию подобной проповеди, а результатом, в ситуации психической неустойчивости, вполне может оказаться и глубокий личностный кризис, и неадекватное поведение в отношении окружающих.

«Церковь объединения» демонстрирует тенденцию к продолжению синтеза восточных и западных ересей. Наряду с успешным продвижением в Европе и США буддизма и учения Свами Прабхупады, адаптация христианства в мире буддистской традиции породила, в качестве побочного продукта, церковь Сан Мьян Муна.

Задачи социальных работников в отношении взаимодействия с религиозными организациями усложняются сохранением ситуации доминирования в системе подходов к религии атеистической компоненты. В литературе достаточно часто можно встретить сочетание агрессивного неприятия любых форм религиозного мировоззрения с безразличием к статусу религиозных представлений в системе ценностей. С очевидностью такой подход выражается в удовлетворенности репродуцированием респондентами формулировок типа «религия придает смысл жизни».

Для атеистического миропонимания, главное – разделить инструментальные и терминальные компоненты в системе мотиваций. С этой точки зрения важно, чтобы человек поступал в соответствии с теми стандартами, какие предлагает сформированная Просвещением картина мира; при этом не важно, руководствуется ли он какими-либо трансцендентными ценностями. Собственно, просвещенческий атеизм (унаследованный, через Л. Фейербаха, и марксистами) и не нуждался в полном отрицании божественного начала, более того, философы Века Просвещения полагали идею Бога нужной для необразованных масс. В таком подходе и проявляется абсолютное непонимание природы религиозности. Между тем, «придание смысла» означает вовсе не то, что верующий человек будет вести себя так же, как атеисты, во всех отношениях, не сообразуясь при этом со своими религиозными убеждениями. На деле, религиозная идея конструирует *всю* систему ценностей, мотиваций, установок; в этом ее смысл. Атеисты и верующие люди вполне могут сосуществовать в социуме, но при одном ус-

ловии: взаимного отказа не только от навязывания друг другу определенного понимания соотношения терминальных и инструментальных ценностей, но и от обсуждения этого вопроса, поскольку для одних и других это соотношение не просто различно, а имеет совершенно разную природу.

Когда современные религиоведы развертывают критику нетрадиционных религий, сект, акцентируя негативную оценку практик чтения мантр, медитации, ими упускается из виду, что и любой действительно соблюдающий обрядность христианин или мусульманин должен осуществлять точно такие же практики.

Разница между мировыми религиями и оккультными культами не в том, что первые «более материалистичны», а в том, что оккультизм предполагает непосредственное воздействие адептов на трансцендентные силы, в то время как в традиционных религиях человек обращается к высшему божеству, богам (в политеистических схемах), пророкам или святым. Различие, таким образом, в *степени приватизации* трансцендентного, но отнюдь не в его признании или непризнании. Поведение человека, принадлежащего к традиционному вероисповеданию, предсказуемо, нормативно. Социальное поведение адепта оккультизма вненормативно, он повинуется собственным правилам, с точки зрения среды могущим быть и не приемлемыми. Поведение человека, принадлежащего к секте, нормируется правилами, установленными внутри секты, также способными быть отличными от принятых макросредой. В этом, собственно, и состоит кардинальное различие трех типов поведения. Однако, если речь идет о действительно верующих людях, а не о имитации религиозности, во всех случаях трансцендентное для верующего человека действительно существует и является определяющим в отношении материального мира.

Некритическое восприятие отечественной публицистикой и консультантами властных структур работ М. Сингер, Р. Офше, суммируясь с отечественной «антидиссидентской» традицией, дает в результате однозначную установку на подавление любой неортодоксальной общины верующих. Между тем, в Европе и США, где этой проблемой занимаются научные, общественные, государственные организации на протяжении ряда лет, и где имеется неизмеримо более жестокий опыт столкновения упорства сектантов и непримиримости властей (трагедия Вако, гибель Народного храма, групповое самоубийство членов организации «Небесные врата»), есть отнюдь не только ученые, отказывающие всякой неортодоксальной религиозности в праве на существование.

Не меньшей известностью пользуются и книги Дж. Р. Льюиса, Ричардсона, Галантера, в которых опровергаются утверждения относительно невозможности для вовлеченных в секту людей покинуть ее; ставятся вопросы о причинах, побуждающих молодежь стремиться к интенсивному нетрадиционному религиозному опыту. Во всяком случае, нельзя не согласиться с их возражениями по поводу преувеличения масштабов влияния и

однозначно негативной интерпретации мотивов деятельности большинства сект. Так, в литературе можно встретить утверждения относительно численности вовлеченных в секты по РФ в 3-5 миллионов человек; о наличии в стране 6 тысяч сект (между тем как в Европе и США зафиксировано полторы тысячи такого рода организаций)²⁰². Не может не вызывать возражений и отнесение к числу «тоталитарных» сект вполне уважаемых организаций, как ISKCON (Общество сознания Кришны). Мы не противопоставляем одну позицию другой, но хотим подчеркнуть, что ни одна из них не имеет монополии на истину, и ни одной не может быть отказано в праве на существование.

Нельзя видеть вред в любой нетрадиционной религиозности, но нельзя и отрицать наличие сект, способных оказывать негативное воздействие на общество и личность. К таковым, безусловно, относятся Аум Сёнрикё, такие группы, как «Южный крест», «Синий лотос», «Юнивер», «Черный дракон», а также большинство организаций «Белого братства». Но, что касается последователей Секо Асахара, речь идет о проникновении в РФ влияния зарубежной организации политического толка, использующей религиозное прикрытие; перечисленные группировки сатанистов имеют ограниченный круг членов и могут представлять исключительно локальную опасность. Собственно, лишь Белое братство может считаться объединением, возникшим на местной почве (во всяком случае, славянской), и пытавшимся вести массовую вербовку членов. Тем не менее, подобные объединения можно считать представителями сект, способных оказать деструктивные воздействия.

Материал для анализа:

Показательный материал для дискурсивного анализа дает принятое съездом православной молодежи в 2001 году Обращение к молодому человеку. Этот документ демонстрирует прекрасное понимание необходимости обращаться к молодежи на ее языке, не только в отношении терминологии, но и, прежде всего, тезауруса принятых ценностей.

Обращение начинается с артикуляции общности, посылки к идентификации читателем себя с обращающейся к нему группой. «Когда-то мы не верили в Бога... нам внушали, что быть верующим – значит отстать от стремительно развивающейся жизни. Мы боялись, что православие с его догматами и канонами отберет у нас радости жизни, лишит нас свободы». С читателем говорят такие же, как он, молодые люди, с гедонистической установкой, для которых главное в жизни – свобода и радости. Но дальше

²⁰² См.: Зайцева П. С. Опасность иеговизации России // Миссионерское обозрение. 1996. № 3; Российские антисектантские организации // Миссионерское обозрение. 1999. № 11.

следует ключевой переход. Авторы обращения «сегодня поняли», что «самая страшная несвобода – несвобода внутренняя... воспитанные в мире неверия, скованные догматами атеизма, даже не догадывались о том, что рядом с нами... Христос». Эта связка, с точки зрения теории пропаганды, безупречна.

Читателя ставят в самое для него неприятное положение: отставшего от жизни, оболваненного, превращенного в объект манипулирования. Оказывается, он не сам считал религию обузой, его заставили так считать. Попутно формируется образ врага, что служит эффективным механизмом мобилизации. Наш общий враг – тот, кто покушается на нашу свободу, отнимает у нас право попробовать все в этой жизни. «Идеология и реклама незаметно выкрадывали нашу свободу. За нас придумывали, что нам должно нравиться и к чему мы должны стремиться».

Проблемная ситуация поворачивается еще одной гранью: читателя призывают задуматься о том, что до сих пор его «я» было скрыто навязанной маской. Следовательно, самое время задаться вопросом, что же действительно это «я» собой представляет. «Неужели моя жизнь – лишь бессмысленное накопление вещей... небытие выпустило меня на побывку и снова стерло».

Заметим, как быстро церковная публицистика реализует установку на освоение языка современности, в том числе создаваемого Интернетом. Восприятие себя, как стертого файла, создает устойчивую привязку к привычному ряду образов.

Это особенно важно, потому что именно следом в документ включается компонент, сложный для восприятия. «Смысл жизни человека придает лишь то, что выше нее». Этот тезис дан без комментариев, которые лишь оттолкнули бы читателя; его надо не понять, а *запомнить*, именно для этого и была дана перед этим связка. Дальше следует не разъяснение, а довод: «неумный человек стремится изменить то, что вне его, умный же – то, что внутри него. Свободен ли я от самого себя?». Разумеется, читатель не захочет быть «неумным». Это не означает, конечно, мгновенного принятия установки на изменение собственной личности, но, во всяком случае, читатель задумается над тем, что прочел.

«Молодой человек, который вводит себе иглу в вену – свободен ли он в ту минуту?». Снова возвращается лейтмотив Обращения: воцерковление есть сознательный, свободный выбор, более того, это и есть освобождение от зависимости перед миром. Да, жить в церкви трудно – «как трудно расти в спорте, в науке, или в искусстве».

Документ вновь артикулирует полное приятие ценностей достигательской культуры. Используется классический в теории пропаганды эффект ореола: если ты принимаешь ценности достигательской культуры (а кто же их не принимает?), значит, должен принять и это рассуждение. «Поверьте, никто из нас не остался бы в церкви, если бы не находил в ней

такую радость, по сравнению с которой все мирские забавы – бледная и ничтожная тень».

В этом, тоже безупречно выстроенном, тезисе осуществлена подмена: «радость» для не воцерковленного читателя явно значит нечто иное, чем для верующих христиан, но если он придет в церковь, то ценности его изменятся, и приведенное утверждение не будет обманом. Упрощенно этот прием можно объяснить так. Человеку говорят: ты будешь счастлив, зная при этом, допустим, что для него счастье означает иметь много денег, но подразумевая отнюдь не то, что дадут ему эти деньги, а то, что вместо них он полюбит нечто иное.

«И еще. Православие дало нам возможность перестать быть иностранцами в своей собственной стране». Этот тезис не случайно поставлен как бы в постскрипуме. Синтез православной и патриотической идей, таким образом, подразумевается в качестве естественного, не требующего дополнительных доказательств. Аргумент тут один: ссылка на строку из песни популярного певца Константина Кинчева. «Мы просто осознаем себя русскими православными христианами», заявлено в Обращении. В целом, рассмотренный документ может служить хорошим примером того, как следует говорить с молодежью.

Краткое содержание

1. В построении рациональных схем взаимодействия социальных служб с неправительственными организациями необходимо, прежде всего, обратить внимание на соотнесение *властных полномочий*, выделяя структурную и ситуационную власть. Первая определяется положением индивида, группы, структурной единицы, в структуре организации. Вторая создается самими организационными процессами, не будучи предусмотренной при конфигурации системы.

2. Следует выделять три типа ресурсов: материально-технические, административные, информационные. Осуществление практически любых социальных проектов требует определенных финансовых, технических средств; естественно, партнер, распоряжающийся этими средствами, может оказывать воздействие на процессы разработки и осуществления проекта.

3. Принципы достижения статуса, позволяющего направлять процессы взаимодействий различных организаций в работе с молодежью, определяются следующим образом. Необходимо уделять повышенное внимание стратегическому планированию, повышению квалификации и профессионализма. При организации совместной работы нужно обладать потенциалом и волей для закрепления за собой ключевых операций. Важно

стремиться к репутации организации, способной наиболее успешно решать тот или иной класс проблем. Таким образом, могут быть приобретены позиции, позволяющие добиваться решающего влияния при реализации проектов.

4. Социальная работа с молодежью по необходимости предполагает взаимодействие с политическими партиями, движениями, в силу воздействия их на выработку властных решений в социально-экономической сфере, наличия в арсенале большинства из них программ в сфере социальной защиты и серьезности негативных последствий политического экстремизма в молодежной среде.

5. В работе с молодежью необходимо учитывать латентное состояние ее политической активности, нечеткость политических ориентаций. Эти обстоятельства и становятся условиями, в которых одним из возможных вариантов оказывается восприятие экстремистских ориентаций. В задачу социальных работников, безусловно, не входит политическое просвещение, но учет этих обстоятельств, прежде всего, в контексте взаимодействия с действующими в конституционных рамках движениями, необходим.

6. Среди организаций, с которыми социальные службы должны взаимодействовать в работе с молодежью, особое место занимает церковь. Основные области такого взаимодействия – забота о сохранении нравственности; духовное, культурное, нравственное и патриотическое воспитание; милосердие и благотворительность, развитие социальных программ; профилактика правонарушений; культура и творческая деятельность; поддержка института семьи, материнства и детства.

7. Позиция православной церкви в области работы с молодежью предполагает диалог с молодыми людьми, понимание своеобразия сложившейся у них системы ценностей. В качестве полноценных *моделей служения* рассматриваются частное предпринимательство, искусство, социальная деятельность. Участие молодежи в делах благотворительности рассматривается церковью как самое действенное средство спасения души.

8. Синодальным отделом по делам молодежи выделены следующие основные направления работы: создание широкого *общественного объединения* православной молодежи; *программы социального служения* молодежи, организация добровольного участия в социальной работе братств и сестричеств, реабилитации наркозависимых, волонтерских проектах, экологических программах, туристических лагерях, благотворительных акциях. Принципиально важным направлением деятельности признается возвращение православия в сферу образования.

9. При выработке концептуальных оснований взаимодействия с профессиональными организациями социальным службам необходимо принимать во внимание существенные различия в правовых и политических аспектах вопроса. Речь должна идти именно о взаимодействии с цер-

ковными организациями в реализации конкретных программ, с постоянным учетом светского характера российской государственности.

10. Для современной российской молодежи характерна пассивная религиозность; вместе с тем, значимое большинство прокламирует свою принадлежность к той или иной конфессии, и это должно учитываться при выработке социальных программ.

11. Существенным аспектом социальной работы с молодежью оказывается профилактика и реабилитация последствий вовлечения молодых людей в несистемные секты, могущего иметь серьезные последствия в отношении разрушения механизмов социальной адаптации.

Ключевые понятия

- Властные ресурсы
- Демобилизация молодежи
- Информационная власть
- Модели организации социальных служб
- Принцип территориализма
- Программы социального служения молодежи
- Религиозные молодежные организации
- Структурная и ситуационная власть
- Теория стратегической случайности
- Экстремизм

Вопросы и задания:

- Охарактеризуйте основные положения концепции структурной и ситуационной власти применительно к задачам координации социальной работы с молодежью.
 - Овладение какими ресурсами, по Вашему мнению, является наиболее важным для координации работы с молодежью?
 - Охарактеризуйте основные модели организации взаимодействий агентов работы с молодежью в России (на федеральном и региональном уровнях).
 - Как связаны политическая деятельность негосударственных организаций и социальная работа с молодежью?

- Определите значение для России американского опыта сотрудничества государственных организаций с политическими партиями и движениями в работе с молодежью.
- Оцените уровень и содержание политической активности российской молодежи.
- Оцените позицию по проблемам социальной защиты молодежи прокоммунистических молодежных организаций.
- Попытайтесь соотнести положения современных российских сторонников коммунистической идеологии с философией социальной работы с молодежью.
- С какими религиозными организациями, по Вашему мнению, возможно сотрудничество в социальной работе с молодежью?
- Чем обусловлено особое значение диалога с Русской Православной церковью в работе с молодежью?
- Определите содержание позиции Русской Православной церкви в отношении молодежи.
- Охарактеризуйте позицию российской государственной власти в отношении сотрудничества с церковью по вопросам работы с молодежью.
- Какие положения церковной доктрины, на Ваш взгляд, могут быть использованы в философии социальной работы с молодежью?
- Оцените практики работы с молодежью Православной церкви.
- В чем различия условий взаимодействия государственных и конфессиональных организаций по работе с молодежью в России, европейских странах, США?
- Каким образом во взаимодействии социальных служб с конфессиональными организациями России может быть использован зарубежный опыт?

Литература

1. Алексеевский А. Шабаш сатанистов: сатанисты травят традиционные религиозные организации России // Миссионерское обозрение. 1998. № 8.
2. Васильев В. Попечение о жертвах сект // Воскресная школа. 1999. № 45.
3. Гаврилова И. Политическая социализация молодых // Свободная мысль. 1996. № 7.
4. Григорьев С. И. 17-летние россияне 1997 года: сочетание либеральных и антилиберальных ориентаций // Социологические исследования. 1998. № 8.

5. Губогло М. Н. Формирование гражданской идентичности (опыт молодежи России) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6.
6. Дворкин А. Л. Сатанинские и демонические культы // Миссионерское обозрение. 1997. № 2.
7. Дунаев Л. С. Политическая социализация молодежи // Свободная мысль. 1996. № 7.
8. Иваненков С. П. Молодежь и политика // Credo. 1998. № 2.
9. Касьянов В. В. Политическая социализация молодежи в современной России. Дисс. ... докт. Социолог. наук. Ростов-н/Д. 1999.
10. Молодежный Петербург: движения, организации, субкультуры/ Под ред. В. В. Костющева. СПб., 1997.
11. Мчедлов М. П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6.
12. Немировский В. Г. Красные, зеленые, белые... Особенности политического сознания молодежи // Человек. 1992. № 3.
13. Нетрадиционные религии в посткоммунистической России/ Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1996. № 12.
14. Религии народов современной России: Словарь. М., 1999.
15. Российские антисектантские организации (адреса, телефоны) // Миссионерское обозрение. 1999. № 11.
16. Сикевич З. В. Политические игры или политическая борьба? Л., 1991.